

A large, detailed portrait of Dmitry Voshnin, a Russian nobleman and statesman. He is shown from the chest up, wearing a voluminous red coat with gold embroidery and a white lace collar. He has long, dark, curly hair. The background is dark and indistinct.

Дмитрий
Вошинин

*Роман-эссе
о жизни
Якова Брюса*

ЧАРОДЕЙ

Дмитрий Алексеевич Вошинин

Чародей. Роман-эссе о жизни Якова Брюса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71475133

Чародей: Пробел-2000; Москва; 2024

ISBN 978-5-98604-942-7

Аннотация

Перед вами книга о шотландском потомке Стюартов и близком сподвижнике Петра Великого – Якове Брюсе. Рожденный в России, он стал генералом-фельдмаршалом русской артиллерии, крупным организатором государственности Российской империи, ярко проявил себя в качестве дипломата, ученого, инженера, металлурга, астронома, картографа и был одним из образованнейших людей своего времени.

Книга адресована каждому, кто хочет почувствовать себя участником событий отечественной истории на рубеже XVII–XVIII вв.

В книге наряду с авторским использован иллюстративный материал из общедоступных ресурсов, не содержащий указаний на авторов и ограничений для заимствования.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

От автора	5
Разговор в Сухаревой башне	7
Часть первая	20
Глава первая	21
Сверстник царя	28
Потешные войска молодого царя	34
Искренняя радость сближения с юным царем	35
Рождение русской армии	40
Первая любовь	43
Кожуховский поход	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Вошинин

Чародей

© «Пробел-2000», 2024

© Вошинин Д.А., 2024

* * *

От автора

Близкий сподвижник Петра Великого, Яков Вилимович Брюс, был одним из образованнейших и передовых людей своего времени. Имея шотландские корни королей-изгнанников, он сделал головокружительную карьеру в России и стал русским генералом-фельдмаршалом, крупным организатором основ государственности, ярко проявил себя в качестве дипломата, ученого, инженера, металлурга, астронома, картографа. Однако мало осведомленные о нем люди продолжают не замечать эту выдающуюся личность и, доверяясь сомнению обывателя, даже считают его колдуном и мистификатором.

Испанский посол в России Джеймс Лириа после скоропостижной смерти Брюса в 1735 году достоверно отозвался о нем: «Одаренный большими способностями, он хорошо знал свое дело и Русскую землю, а не укоризненным ни в чем поведением он заслужил общую к себе любовь и уважение».

Среди дошедшей до нас разноречивой информации о личности Якова Брюса, словно лучик солнца, пробивается высказывание Льва Николаевича Толстого: «на всю Россию был самый чудесный человек».

Отдавая дань народной молве, и представляя наполненную светом обширных знаний кроткую душу Якова Вилимовича, очень хочется сегодня понять и образно приблизиться

к этому необыкновенному человеку-романтику, оставившему яркий след в становлении Российской империи, и одновременно окутанному таинством притягательных красок *чародея*.

Яков Брюс был бы очень интересным и весьма продвинутым современником. Его сильные духом глаза проникновенно и уверенно смотрят на нас сквозь три столетия. И это не так уж давно – всего около пяти истекших человеческих жизней.

Разговор в Сухаревой башне

Заслуженный генерал и опытный дипломат, подписавший Ништадтский мирный договор, позволивший России стать империей, Яков Вилимович Брюс никогда не забывал о практике исследований и реальной науке. Он самозабвенно любил работать в обсерватории Сухаревой башни.

В начале 1724 года, приехав по случаю в Москву, высокий и стройный, он скромно, не спеша вышел из расположенного поблизости дома, поднялся по широкой лестнице на верхний этаж громадной башни и тихо сидел в своем кабинете. Здесь Яков Вилимович всегда оживал душою и свободно погружался в накопленные за долгие годы раздумий соображения, подкрепленные опытом заключений о жизни Вселенной и предназначении человека. Несмотря на огромную занятость государственной службой, эти волнующие мысли постоянно приходили ему в течение всей трудной и насыщенной жизни. Со временем энтузиазм познания окружающего мира в нем не угас, а, наоборот, вспыхивал с огромной силой.

Теперь, когда уже три года по указу императора России его величали «Его сиятельство высокороденный граф Яков Брюс», он впервые серьезно подумывал об отставке, чтобы в уединении отдаться любимому делу.

Его постоянно влекла Москва, он чувствовал всегда ее

духовное тепло. Прозрачный безветренный воздух и благоуханный звон колоколов золотоглавых храмов напоминали о счастливом детстве, бесшабашной юности и первой платонической любви. После державного, окруженного морем Санкт-Петербурга патриархальный покой бывшей столицы напоминал ему тишину звездного неба.

Обустроенный им просторный кабинет обсерватории имел несколько широких и длинных столов с инструментами для черчения и опытов с колбами и тиглями, различными инструментами и приспособлениями. В середине освещенного широкими окнами помещения стояли несколько удобных кресел для проведения дискуссий, демонстраций и обсуждений опытов с близкими сподвижниками. При более внимательном рассмотрении обстановки можно было заметить, что хозяина интересовали реальные новшества и передовые технические разработки, в том числе не такие уж фантастические летательные аппараты, новые сплавы, необычные машины и строительные конструкции. Добиваясь положительных результатов в механических изысканиях, он ко всему прочему пытался на опытах развить в себе самовнушение и действие гипноза на окружающих, вызывая недоумение самоуверенной толпы, различные кривотолки и мистические страхи. При достижении успехов ему порой реально казалось, что высшие силы одобряют его действия и где-то там даже улыбаются ему сверху.

Будучи за проявленное усердие перед отечеством богатым

человеком, он мог себе позволить многое из своих стремлений и помыслов, приобретая самые совершенные научные аппараты и приборы, последние образцы исследовательского оборудования. Окружая себя глубокими поучительными книгами и манускриптами прошлого, Яков Вилимович имел большие связи с передовыми учеными и, постоянно переписываясь с ними, охотно пополнял свои знания. Обсерватория была детищем Якова Брюса вовсе не случайно, а после знакомства с первооткрывателем законов небесной механики Исааком Ньютоном, которого он считал своим учителем. Мысли неутомимого шотландского потомка в первую очередь охватывали бескрайние звездные просторы. С каждым прожитым годом он наполнялся пониманием загадок прошлого, устремлениями и находками людей древних цивилизаций, средневековых астрологов, алхимиков, также как и напитанными романтической практикой и фантазиями тамплиеров и розенкрейцеров. Теперь он, будто понимал, каждого из этих по-своему одаренных и пытливых личностей,двигающих и расширяющих своими поисками всеобъемлющие познания человечества.

Глубоко не доверяя объявленному церковью множеству догматических неопределенностей, он, подобно своему другу и учителю Ньютону, пришел скорее к теории о существующей вселенской тайной силе, которая оставалась непонятной человеку, незримо руководила и двигала окружающий мир, словно часовой механизм.

Интуитивно он приходил к мысли, что эта непонятая доселе сила имеет связанную нить с каждой живой личностью. И эта взаимосвязь необходима для развития самой Вселенной, которая подпитывается активным индивидуальным проявлением воли живого организма.

«Пока я мыслю и ищу новое, я нужен вселенскому миру... Работая в поиске тайны небес, я живу в вечности...» – не раз утверждался он в своей мысли.

Неутомимый ученый замечал, что Сухарева башня сама по себе помогала ему в самоутверждении и в поиске верного решения. Он всегда помнил о том, что именно здесь организовал математическую навигацкую школу для обучения наукам пытливую молодежь и по согласию с царем построил первую в России обсерваторию. В этом месте он чувствовал себя самозабвенно молодым, легко и свободно. И вот сегодня Яков Вилимович, разглядывая внимательно крыло птицы, перебирал в руке меняющее форму оперение. Дотошный исследователь улыбался, ощущая прилив творческих сил – ему становилось уже почти понятным это замысловатое, а на самом деле достаточно простое, чудо природы.

«Будем обязательно летать, как птицы...» – заморожено смотрел он на наполненный мышцами изгиб крыла.

Яков Вилимович бросил взгляд на большую подозрительную трубу и тут же вспомнил, как заразил царя наблюдениями за звездным небом.

Он улыбнулся, в воображении исследователя всплыл

неповторимый взгляд самодержца Петра, всегда пронизывающий своей открытостью и решительностью. Эти живые темные глаза всегда удивительно притягивали его жадной новых знаний и постижением неизведанного.

«Сегодня они уже не такие открытые и ясные, как 20 лет назад... и не всегда окутаны надеждами... много сомнений и скрытых мыслей недоверия...» – подумал он.

– Зачем нам обсерватория? – спросил тогда удивленный царь.

– Чтобы понять скоротечность нашей жизни, наших дел... и вообще отпущенного нам времени...

– Но об этом ли нам сейчас думать и говорить?.. Необъятное небо лишь отвлекает от дел.

– Нисколько, государь... Когда смотришь на звездное небо, понимаешь глубже крупицу времени... В эту бездну смотрели наши предшественники... и будут смотреть потомки... Небо несет глубокое желание к познанию...

– Понимаю знания военного дела или умение построить могучий корабль, но звезды... причем тут они?

– В них самое главное в познании.

– Что же главное? – уже почти смеялся Петр.

– Наше воображение... Оно может сделать практически все... Даже перенести нас на одну из звезд, куда только что пришел взгляд, например, Платона или всесильного египетского фараона...

– Как это – пришел взгляд? – резко буркнул Петр.

– Время позволило... Как ни загадочно звучит, но прошлое интересно подобным энтузиазмом и надеждами... о чем думаем мы сегодня... Все почерпнуто из прошлого... Именно поэтому мы еще мало чего реально знаем и понимаем... Небо – это и карта, и математика... и тайна... Вспомни, государь, разговор с Ньютоном в Лондоне...

– Да... умел он увлечь... Дай, гляну в твою трубу...

Особенно запомнились беседы с Петром о Боге. Они поражали искренностью познания молодого царя и заставляли глубже проникнуться доверием и признательностью к этому наделенному огромной властью пытливому человеку. В голове сразу всплыла сцена посещения Новгорода, когда царь зашел с ним в соборную Софийскую церковь, открыл раку святого архиепископа Никиты и, словно любознательный ребенок, развел кости мощей, удивляясь их подвижности:

– Отчего это происходит, что сгибы костей так движутся, как у живого, и не разрушаются... и лицо, будто только скончавшегося? – царь посмотрел прямо в глаза: – Что скажешь?

– Не знаю... а ведаю только, что Бог всемогущ и премудр... Хотя отношу это и к климату, и к свойству земли, где погребено... бальзамированию тела и воздержанию при жизни...

Будучи в изумлении от увиденного чуда, Петр тут же возбужденно отвечал:

– Сему-то верю и я, но вижу, что светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества Творца,

которого молю вразумить меня по духу... Телесное так при-
вязано к плотскому, но скрыто от разума...

Пожилой исследователь не заметил, как дверь в лабораторию тихо отворилась, и вошел полный сил, стройный мужчина с ярким проникновенным взглядом.

– Доброе утро, Яков Вилимович, – вошедший смотрел от двери кабинета на склонившегося над столом человека.

– А... Питер, добрый день, проходи... – отозвался ученый. Его сосредоточенный взгляд говорил, что он был еще где-то на просторах увлекшей его мысли: – Я рад твоему интересу к моим опытам...

– Я узнал, что вы в Москве и решил повидать... и даже поговорить о личном... – объяснил молодой человек, подходя ближе к исследователю.

– Слушаю тебя, дорогой Питер...

– Вы мне, как батюшка, и я искренне люблю вас, – молодой человек немного засмутился, – но с некоторых пор я понял, что многие люди не понимают вас... Да и мне тоже многое неясно...

Моложавый пожилой человек ласково посмотрел на него. Его суховатое лицо и приятный прищур глаз говорили, что он искренне рад появлению дальнего родственника и племянника:

– Не столь важно, дорогой, как о тебе думают другие... А, вот то, что ты говоришь, не кривя душою, мне очень приятно... Пожилых людей трудно понять молодым... и тем более

оценить... Время неумолимо... Человек испытывает истинную радость лишь в поиске преодоления...

– Вы так говорите, дядюшка, что не понятно радуетесь вы или печалитесь...

– Вот-вот. Ты правильно подметил... Я и сам это точно не знаю, и мне тоже сложно объяснить...

– В который раз, не очень понимая вас, – опустил голову молодой мужчина и, после краткого молчания, продолжил:

– Мне также удивительно, что вы всячески препятствуете моему возвращению в Шотландию, хотя полученное там наследство благосклонно к продолжению моей жизни на родине...

– Странно другое... что тебе не полюбилась Россия...

– А почему собственно, она должна мне нравиться?... Здесь все так дико, малопонятно, – Питер смотрел доверительно открыто и продолжал: – Однажды один из русских зашел ко мне в дом по делам, оглядел всю комнату в поисках иконы и, не найдя ее, спросил: «Где твой Бог?..» «На небе!» – отвечаю... После этого русский офицер опустил глаза и, передав сообщения, с недоверием быстро вышел.

– Надо было повесить дома изображение какого-нибудь святого...

– Не понимаю зачем?... У лютеранина Бог в сердце... Неужели вы чувствуете иное?

– Раз уж ты служишь в России – будь любезен придерживаться здешних традиций...

– Но я не видел и у вас в доме иконы, – робко заметил молодой человек.

– У меня в доме портрет царя – императора... Хотя и моя икона в сердце... немного задумался пожилой человек и пояснил: – Как и ты, я лютеранин, но... понимаю эту страну глубоко всей душой... и очень ее люблю. Ведь и ты без малого уже более десяти лет тут на службе... А, я здесь родился... провел свое детство и юность... и убеждаюсь, что Всевышний дает рождение в определенном месте не случайно... особенно мужчине...

– Почему именно мужчине?

– Потому как именно он призван на этот свет для того, чтобы своей волей изменить что-то в этом мире...

– А что же женщины?... Ваша жена... и ушедшие дочери... что же они не могли привнести в этот мир?

– Женщины... настоящие... они обожествлены покоем окружающих и любящих мужчин... они живут помыслами самой Вселенной... Как сама прекрасная природа, женщины несут умиротворение и спокойствие в нашу жизнь... Без этого рядом невозможно уверенно творить...

Пожилой человек посмотрел в сторону:

– Всевышний не дал мне наследника... Вот, только рядом с тобой я понимаю, как важно в пожилом возрасте иметь близкого по духу продолжателя начатого... Да и Марфа Андреевна, приняла тебя, как родного сына.

– Я знаю ее искреннее сердце... – опустил голову Питер,

а пожилой родственник продолжил мысль:

– Каждый человек неповторим... Это мир необъятный... Каждый миг откладывает в нас частицу бытия... оно западает в душу до поры до времени... А потом, как огонь, вспыхивает неожиданно от якобы случайной искры...

– Опять загадками говорите, дядюшка.

– Нисколько... Человек не узнает до конца, для какой цели он пришел в эту жизнь... и существовала ли эта цель... потому-то и постоянно ищет он себя... Правда, не каждому удастся понять хоть малую частичку этой задумки Творца...

Молодой человек, в свою очередь, опустил голову и безнадежно молчал. Потом вдруг твердо посмотрел на родственника:

– Я решился убедительно просить вас, способствовать моей отставке и отпустить на родину... Не обессудьте, но думаю, что так будет для меня лучше...

– Подумай хорошенько, Питер, что ты будешь делать там?.. Спокойно проживать состояние, стареть, ограждая себя от трудностей?

Пожилой человек невольно глубоко вздохнул:

– Я намеренно сказал тебе, что смысл нашего существования окружен неизведанной тайной... Полагаю, одной из загадок этого в том, что поиск спокойствия и благосостояния – глубокое заблуждение... Оно противоречит заложенному в нас духу... Хотя преодоление этого заблуждения дается... не просто...

– Но вы же не будете отрицать, что окружены достатком и этим самым благосостоянием...

Старик опять глубокомысленно улыбнулся:

– Это так... но в твои годы мои мысли были далеки от стремления к благополучию... Тогда влекли реальные поиски победы и будущая радость новых надежд... Не будь тогда этого... жизнь моя была бы не такой интересной... Да и сегодня, когда мои взгляды и размышления о человеке, его личности... намного расширились... в этом я вижу свое богатство...

– Не очень понимаю. По мне, в этой стране все будет так же.

– Нет, дорогой Питер, Россия только кажется дикой и суровой, но это обманчивое мнение... в этой стране скрыты истинные свободы и глубокая нравственность...

– Почему у вас такое мнение?

– Здесь все располагает к праведному проявлению воли, тут есть чистота и свежесть мысли, неисчерпаемые ресурсы, талантливый своенравный народ и главное – неиссякаемый потенциал здорового созерцания природы... Это не скажешь одними словами...

– Но я решил ехать, дядюшка, – настоятельно повторил молодой человек.

– Ну, раз решил... Я не могу препятствовать... Это твоя жизнь.

Он улыбнулся:

– Ты же по крови – непокорный шотландец, – задумчиво произнес пожилой человек. Яков Вилимович вспомнил, что и сам он прямой потомок шотландского престола, и его прославленные предки намеренно бежали из Бретани от террора.

Старик миролюбиво посмотрел на племянника:

– Хорошо, собирайся... Жаль, что написать рекомендательное письмо некому... Ньютона уж нет... Лейбниц, как и многие, часто работает в России... – завершил он не очень понятный для молодого человека разговор.

После того, как окрыленный согласием Питер вышел, Яков Вилимович с горечью осознал, как тяжело ему без своих прекрасных и нежных дочерей, ушедших в мир иной в младенческом возрасте. Они с женой полюбили Питера как родного сына.

И вот теперь внучатый двоюродный племянник Питер Генри Брюс разрушил последние мечты семейной теплоты и продолжения надежд и чаяний. Яков Вилимович опекал племянника и знал, что Питер уже несколько месяцев добивался отставки с русской службы, но всякий раз принимал мягкие уговоры – оглядеться и подождать. Недавно пришло известие, что ему досталось наследство в Шотландии, и это обстоятельство окончательно склонило молодого человека к отъезду на историческую родину.

Привыкший после принятия решения покоряться воле судьбы, генерал больше не стал противиться желанию Пите-

ра и даже распорядился передать ему свою карету, запряженную шестеркой лучших лошадей из собственной конюшни.

Через месяц Питер выехал в Шотландию. Перед тем как внучатый племянник поцеловал деда и сел в дорожную карету, он услышал вслед:

– У тебя прекрасное вселяющее веру и надежду имя. Ты не раз еще вспомнишь Россию, дорогой Питер, с ее необыкновенно свежими и здоровыми помыслами, хлебосольными и одновременно жесткими нравами.

Он как-то по-своему понимал Питера и то, что тот не проникся к дорогой ему стране, относил исключительно на свой счет.

Несмотря на нахлынувшую печаль после прощания, Яков Вилимович внутренне напрягся и теперь уже понимал окончательно, что впереди только скромная напряженная творческая работа в уединении.

«Самое прекрасное в жизни – поиски неведомого... – подумал он, ощущая свежий прилив сил. – И не все зависит от сознания и логики... Внутри каждого заложено скрытое и волнующее провидение...»

Именно тогда он ясно почувствовал, что его жизнь всего лишь период времени, и не случайно на своем гербе он четко и ясно начертал: «Fuimus» («Мы были»).

Часть первая

Единство и вера в царя-реформатора

Яков Вилимович вспомнил свою светлую и, казалось даже, направляемую кем-то сверху юность, когда, как и его отец, вместе со старшим братом он с воодушевлением поступил на российскую военную службу.

Сейчас, погрузившись в воспоминания, он отчетливо осознавал, что период взросления зависит не только от способностей и воспитания. Сам механизм природной физики изменения и наполнения тела силой совершенно независимо участвует в осознании себя в этом мире. Многие поступки, душевные порывы и проявление воли совершенно не случайны и непременно несут заряд энергии на последующую жизнь. Каждое мгновение времени определяет не очень ясное понимание и осознание себя в бытие современности.

Теперь по истечению времени каждую бывшую когда-то рядом личность он представлял, как появление новой искры во времени, которая в порыве огромного желания может зажечь яркий костер своего влияния на окружающий мир.

Глава первая

Знакомство с будущим императором

Волею судьбы Яков Вилимович Брюс родился и вырос в России, хотя потомственные корни его были в далекой Шотландии.

Россия еще при царе Алексее Михайловиче охотно привлекала иноземных мастеров – обладателей всевозможных профессий, а также и военных специалистов из голландцев, немцев, шотландцев и англичан. За их опыт и добросовестное служение новому отечеству в воинском деле, науке, ремеслах и искусстве русское правительство денег не жалело.

Карьера отца Якова, Вильяма Брюса в России, хоть и не сразу, сложилась вполне успешно. В 1658 году он уже был полковником, а жизнь свою окончил в звании генерал-майора. В периоды, когда боевые действия не велись, полк его квартировал в Пскове. Вильям Брюс поддерживал связи с шотландской колонией в Немецкой слободе на московской реке Яузе, где тогда разрешалось селиться призванным на службу иностранцам.

В четыре года Яков лишился отца. Эта невосполнимая утрата могла стать для юных сыновей Вильяма Романа и Якова определенным препятствием для уготованного продолжения военной карьеры и обустройства жизни в России. Но хорошо воспитанные шотландские отпрыски смогли снискать

уважение и благосклонность при русском дворе. Немалую роль в их судьбе сыграл воевавший с отцом заслуженный российский генерал, бывший лорд Патрик Гордон¹, который к тому времени уже лет 30 жил в России. Прежде чем приехать сюда, он был лично известен королям Карлу и Иакову, приходился двоюродным братом губернатора Эдинбурга. Жизнь научила его придворной изворотливости, и долгое время он служил шведам против поляков и полякам против шведов.

От природы способный и энергичный, с хорошими связями на родине, именуемый в России Петр Иванович Гордон был признанным авторитетом шотландской колонии Немецкой слободы. Говоря по-русски и не гнушаясь выпить, он по праву пользовался известной популярностью и среди московской знати. Именно его протекция при дворе молодого царя Петра сыграла свою положительную роль и оба малолетних прекрасно воспитанных Брюсов, Роман и Яков,

¹ Петр Иванович Гордон в 1661 году был лично представлен Алексею Михайловичу. Государь дивился его прекрасному владению шпагой, стрельбе из мушкета и сразу присвоил ему чин майора. Имея большой военный опыт, он проявил себя в качестве полководца при царевне Софье и в Петровскую эпоху. За участие в Крымском походе 1687 года он первым из русских подданных получил высшее воинское звание полного генерала. Семь лет спустя также первым в России Гордон получил контр-адмиральские эполеты. В начале царствования Петра Великого он организовал из «потешных солдат» знаменитый Преображенский полк. Его подлинным триумфом стали Азовские походы 1695–1696 годов, в ходе которых заслуженный полководец применил одну из своих разработок военной инженерии – «подвижной» земляной вал для осады крепостей.

с 1683 года были приписаны к так называемым потешным войскам.

Многие достоинства и таланты этого незаслуженно забытого одаренного военачальника незримо были заимствованы и юными Брюсами.

Патрик Леопольд (Пётр Иванович) Гордон

Их дед, Джеймс Брюс, прямой потомок шотландских королей, в середине XVII века оставил родину, охваченную огнем Великой английской революции, и отправился искать счастья в далекую Московию, где он преданно служил царю и русской земле. Его сын Вильям или на русский манер Вилим также служил России и погиб под Азовом, когда его юные мальчишки были совсем еще малыми детьми.

Старший сын Вилима – Роман, худой рыжеватый шотландец с тонкими поджатыми губами, через десяток лет вырос бравым воякой и очень достойно проявил себя на российской службе. А меньшему на два года, совсем не похожему на инородца Якову, с довольно мягким характером, доброжелательной улыбкой и пухлыми щеками, в силу своей одаренности и неординарности, уготовано было в дополнение к военным достижениям и просветительское предназначение. Знания, жадно впитанные с детства любознательным Яковом, пришлись очень кстати для раскрытия необычного организаторского таланта на благо России, в качестве военачальника, государственного мужа и разностороннего ученого.

Провидение своей судьбы, о котором Яков Брюс говорил с племянником, заслуженный генерал всегда чувствовал с момента начала своей жизни, проявляя недюжинные способности к обучению и познанию окружающего мира. Еще в отро-

честве он уже свободно говорил на пяти языках, достаточно хорошо и глубоко знал историю, географию, математику и астрономию, тогда называемую астрологией.

Яков был младшим в семье, мужчины в которой, как правило, принимали свою роль в качестве военного. Его отец женился довольно поздно на вдове своего соотечественника с детьми. Мать, убежденная лютеранка, родившая после второго брака еще дочь и двух сыновей, очень много времени отдавала образованию малышей. Начитанная, обладающая творческим мировоззрением и живым умом женщина сразу заметила незаурядные способности младшего сына и немало времени посвятила его развитию в духе свободы познания истории Шотландии, прошлых цивилизаций и интереса к незаурядным личностям.

Именно она заложила в Якове дух терпения могущественных фараонов, древних искателей научных открытий и смысла жизни. Она приглашала подобных своему характеру учителей, чтобы обучить его многим языкам и ввести в мир романтики и реальных самостоятельных размышлений, в основе которых лежали исторические факты. Глубина воззрений мужчины на окружающий мир, упорство в желании знать больше и подробнее для нее были не менее важным, чем строгие правила и дисциплина, которым отдавалось предпочтение в семье. Именно счастливое насыщенное познанием детство Якова заложило в нем основы ясновидения и иных неосознанных способностей, о которых он еще и

не помышлял. Под влиянием матери и пытливых учителей Немецкой слободы он на всю жизнь получил огромную тягу к самообразованию.

Яков навсегда запомнил слова матери о прошлых поколениях и уникальной роли каждой личности:

– Все превратится со временем в камень и прах, но душа рвется к познанию... она индивидуальна и бессмертна... Душа любит тишину и радуется созерцанию... Все остальное – суета и проявление страсти безрассудного тела...

Попав в юности в окружение молодого царя – Петра, Яков почувствовал свою накопленную предшествующими поколениями силу духа и никогда не уподоблялся общему мнению, имея на все свое, оставляя при этом загадочную и мудрую струну шотландской силы воли.

Петр Первый, с которым судьба свела Якова, в своих начинаниях не был обделен талантливыми, разносторонними сподвижниками. Неистовый ритм эпохи, широта и целеустремленность петровских замыслов не терпели серых людей рядом у трона. Лефорт, Меншиков, Ромодановский, Толстой, Долгоруков, Апраксин, Шереметьев, Остерман – эти люди отличались незаурядным умом, находчивостью и природными дарованиями даже среди достойных современников. Но, пожалуй, единственным человеком, не уступавшим Петру, ни в широте кругозора, ни в глубине мысли, ни в разнообразии интересов, был именно скромный и лишенный светской гордыни Яков Вилимович Брюс. Человеком «высо-

кого ума, острого рассуждения и твердой памяти» называл его знаменитый ученый XVIII века Василий Никитович Татищев.

Сверстник царя

Яков до конца своей жизни считал, что ему выпала счастливая карта судьбы связать свою жизнь с Россией и царем Петром.

Несмотря на то, что в 1682 году потерявший рано отца десятилетний Петр стал царем, из-за его малолетства царевна Софья Алексеевна в течение семи лет при поддержке стрельцов брала на себя управление государством. Петр на всю жизнь запомнил, как на его глазах стрельцы растерзали родного брата матери и не питал доброжелательных иллюзий на будущее в противоборстве с властолюбивой старшей сестрой.

Вдовая, но еще молодая сорокалетняя царица Наталья Кирилловна Нарышкина должна была вместе с сыном Петром удалиться от царского двора в подмосковный дворец села Преображенского. Там, в окрестностях Москвы, на живописном берегу Яузы юный Петр Первый и проводил свое детство.

Берега Яузы поблизости от обширного Сокольничьего поля и Немецкой слободы представляли полное раздолье для военных игр или «потех», как их называли в то время. Здесь

при участии детей многочисленных дворовых слуг и происходили бесконечные игры в войну. Самыми любимыми игрушками Петра были две деревянные пушки, стрелявшие бутафорными ядрами с помощью небольшого заряда настоящего пороха.

Петр привлек к своим воинским забавам целую толпу сверстников и ребят постарше, создав два батальона примерно по 300 человек. Так зарождалась военная опора юного царя в его борьбе с пытающейся перехватить власть сестрой Софьей и ее сторонниками, которые противились возвышению родни Петра, Нарышкиных. Вокруг Петра начинали спланиваться все недовольные режимом правительницы Софьи и ее фаворита Василия Голицына.

Скоро Петру пришла в голову новая затея: построить крепость-городок, возведение которой поручили опытному капитану Федору Зоммеру. Назвали ее Прешбург. Крепость обустроили, как настоящую: стены укрепили сваями, снаружи выкопали глубокие рвы, на углах соорудили крепкие башни с бойницами, прикрывающие ряды бронзовых пушек и мортир. На главной башне, над воротами, играли куранты на колоколах.

Так постепенно молодой царь стал переходить от детских игр в солдатики к настоящим военным действиям, с применением оружия и артиллерии. По части военных знаний поначалу с ним занимался голландец Франц Тиммерман из Немецкой слободы. Под его руководством Петр на-

чал изучать арифметику, геометрию, военно-инженерное дело и артиллерию, которая пополнила его знания о порохе, об устройстве орудий, лафетов, снарядов и стрельбе.

Яков Вилимович Брюс был на два года старше царя Петра. Когда юный царь с детским азартом предавался забавам потешных батальев под Москвой, Яков уже познал первые тяготы и смертельные опасности настоящего военного дела. С 1686 года он корнетом кавалерии участвовал в двух крымских походах, организованных Василием Голицыным, и за ратные успехи был дважды жалован поместьями общей площадью 125 десятин земли и сорока денежными рублями.

В 1689 году резко обострилась борьба за царскую корону между Софьей и подростком Петром. Опасаясь массовых волнений, молодой царь уехал из Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, собирая вокруг себя всех сторонников. Поскольку Роман и Яков с детства были приписаны к потешным, они дисциплинированно прибыли туда и делом, предотвратив стрелецкое противостояние, подтвердили свою приверженность молодому царю. С этого момента их судьба оказалась тесно связанной с жизнью и реформами Петра Первого. Для Брюса победа Петра в схватке с сестрой оказалась естественной и желанной.

Примкнувший реально к потешным войскам, младший Брюс быстро вписался в общее настроение и не уступал царю и его окружению в молодых забавах и бесшабашных, требующих выхода неумеренной энергии разгулах. После событий в

Троице название «потешные» носило достаточно условный характер, поскольку объединившись с регулярными войсками Гордона, они уже представляли основу зарождающейся российской армии.

Молодой государь, жадно рвавшийся к знаниям и профессиональным навыкам, не сразу, но осмысленно заметил просвещенность молодого человека среди остальных своих молодых друзей. Петр долго присматривался и полюбил шотландца, в том числе за его сдержанный, со знанием дела, характер и всегда продуманный подход в решении поставленной задачи.

Сам юный царь получил в отрочестве весьма скромное образование, но самозабвенно любил учиться и всю жизнь боготворил заслуженных ученых, радовался каждому новому познанию и полученному умению. При кажущемся предпочтении в дружеском общении с наиболее близкими Меншиковым и Лефортом, государь сначала едва заметно, а позднее более твердо держал дистанцию самодержца. Брюсу же прощал даже легкие колкости в свой адрес и прислушивался к его советам.

Высоко оценивая свою личность, с молоком матери впитавший независимое мышление, Яков был убежденным протестантом² и достаточно негативно относился к церковным

² История лютеранства началась в начале XVI века в Германии с протестантского движения в христианстве. Католический богослов Мартин Лютер решил очистить религию от догматических наслоений и вытекающих из этого ошибок веры. В основе философского учения протестантов лежит равенство всех перед

догмам и канонам. Под его влиянием в дальнейшем уже ставши императором, царь принял немало стратегических решений, в том числе по отношению к церкви, которая была строго подчинена государству.

Кумиром молодого царя, наряду забавам с потешными, был родственник Гордона по линии жены – Франц Лефорт, с которым Петр познакомился на дипломатическом приеме, а потом глубоко доверился в своих поступках и мыслях, часто посещая Немецкую слободу. К религии Лефорт относился довольно скептически, предпочитая разгульную жизнь со свободными нравами, но оставался верующим и посещал лютеранскую церковь.

К православной вере у Петра сложилось своеобразное отношение. Восхищаясь жизнью Немецкой слободы и полюбив многое иностранное, он не ощущал глубоких корней церкви от отцов и дедов, когда еще патриархи почитались наравне с монархами. Скорее он воспринимал ее источником русской культуры. К тому же Петр лишился отца в четыре года, да и сам Алексей Михайлович уже начал присматриваться к Западу и собирался строить новые заимствованные порядки на патриархальной Руси.

Напрасно патриарх Адриан надеялся, что Петр все вернет

Богом. Оно признает три таинства: крещение, приводящее человека в христианство; причастие, связывающее его с Богом; и исповедь, помогающую освобождению от грехов. Священнослужитель в лютеранстве – это всего лишь профессия, и не более того. Она не возвышает священника в ранге перед прихожанами. Главной особенностью лютеранства является отсутствие единой церкви.

к старому порядку, а духовенство безропотно полагало, что при новом молодом царе будут опять ходить во дворец и уверенно наставлять, радостно надеясь, что скоро иностранцев вышлют из России и дворы их отдадут грабить мужикам и холопам.

Как и всюду, в церквях непрестанно раздавался праздничный перезвон. Храмы и соборы были озарены свечами и монастырским пением. Все видели, как царь Петр, – по правую руку царица мать, по левую патриарх, – сходили с крыльца храма, отстояв смиренно службу. Появляясь перед народом, царица подносила подходившим по чарке водки. Царь, одетый в русское платье, был смирен, всем своим видом показывая, что слушается мать и патриарха. Петр из лавры выходил с высоко поднятой головой, лицо худое – уже третью неделю не курил трубки, не пил вина. После обедни садился в келье архимандрита под образа и боярам давал целовать руку. Наталья Кирилловна радостно говорила:

– Не знаю, как Бога благодарить, образумился государь-то наш, такой истинный, такой чинный стал...

Из иноземцев Немецкой слободы близко к нему допускался лишь один Лефорт, за которого он слезно просил матушку. И тот приходил по вечерам сразу в келью, не попадаясь на глаза патриарху. Петр хватал его за щеки, целовал и облегченно вздыхал.

С виду бесшабашный танцор, балагур, но говорил приятель молодому царю, о чем русские и не заикались: «У вас

каждый тянет врозь, а до государства никому дела нет... Народа такого нет нигде... Ни ремеслов, ни стройного войска, ни флота... Одно – три шкуры драть, да и те худые...»

Говорил Лефорт, будто со свечой проникал он в дебри Петрова встревоженного ума, когда огонек лампы мерцал перед ликом Спасителя. Скоро за окном затихали шаги дозорных, и иностранец страстно продолжал, заглядывая в карие глаза:

– Ты очень умный человек, Петер... Я много шатался по свету, видел разных людей... Тебе отдаю шпагу мою и жизнь... Нужны тебе верные и умные люди, Петер... Не торопись, жди, мы найдем таких, кто за дело, за твое слово в огонь пойдут... А бояре пусть спорят между собой за почести, за свой живот, – им новые головы не приставишь, а отрубить их никогда не поздно.

Потешные войска молодого царя

Сейчас Яков с умилением вспомнил, как радовались вместе походам и стремлениям победить и научиться завоевывать для России больше земель. Его сразу увлекла артиллерия, интуиция подсказывала, что это наиболее важный инструмент военных действий. Он словно предчувствовал, что артиллерию определят позднее «богом войны».

Успехи и победы незаметно приносили благосостояние и жалованные в его собственность земли, но все это не оста-

навливало желания яростно продолжать трудиться во имя теперь уже полюбившейся страны. На первых порах не все было понятно в русской монархической иерархии, но как-то сразу интуитивно и безоглядно они поверили в еще молодого и напористого царя Петра. Что-то подсказывало, что этот жизнелюбивый и напористый человек, одновременно с русским характером податливый к разумению, способен преодолеть любые преграды к победе и понятной ему свободе. При любом удобном случае они были рядом с ним со своими искренними желаниями: и в потешных сражениях, и в первых походах с Петром на Запад и на Азов. Не все получалось сразу, но настойчивость молодого царя завораживала и вела неустанно молодых иностранцев с шотландскими корнями вперед.

Искренняя радость сближения с юным царем

Яков прекрасно помнил первый разговор с молодым царем. Сидели тогда большой компанией. Как всегда рядом с Петром словоохотливый Лефорт немного ломаным языком рассказывал, смешил и ободрял. Напротив Александр Меншиков, словно телохранитель, завистливо и внимательно сверлил последнего взглядом и также одобряюще балагурил, вторя иностранцу. Высокий с узкими плечами Петр заметно выделялся своей необычной фигурой среди молодого

окружения, но был необыкновенно органичен и свободен в общении.

Яков не раз замечал, что прекрасно знающий характер и склонности Петра красавец и первый гуляка, швейцарец по происхождению, Лефорт между своим нескончаемым словоблудьем частенько вставлял разумные и дельные мысли. И сейчас он ласково добавил:

– Твою артиллерию, Петруша, необходимо постоянно совершенствовать... Хочешь, я закажу... в Голландии еще пару самых надежных мортир?

Петр одобрительно с умилением смотрел на первого друга и помощника из Немецкой слободы. Франц Лефорт был старше остальных и первым из иностранцев «учителем жизни» и открывателем прелестей заграничной жизни. С приятным красивым лицом, напудренный и надушенный, он всегда привлекал внимание окружающих и моментально понимал царя. Услышав от него шутку или яркое выражение, он поднимал руки, хлопал в ладоши, заливался веселым смехом:

– Вот прекрасная шутка, веселее шутки не приходилось слышать... Ляксандр! – говорил он, смеясь и теребя бархатный в светлых тонах и кружевах кафтан. – Не заслоняй собой красивый профиль хозяина Плешбурга.

– Побойся Бога, дорогой Франц, он для меня герой навеки...

Сидя рядом с братом Романом, Яков вдруг услышал об-

ращение Петра на свой счет:

– Как величать твоего младшего брата? – кивнул он Роману.

– Якушка, – опередил его Лефорт. Царь одобрительно кивнул. Находчивый ответ уменьшительно-ласкательного имени придавал определенный шарм доверия молодого монарха.

И он, младший Брюс, на слова Лефорта также одобрительно молчал, и эта внутренняя тишина, не по его воле, оказалась мудро-загадочной. Петр всегда был слишком эмоциональный человек и всего себя бурно выражал голосом и трепетным лицом. Яков сразу понял, что царь вдруг почувствовал глубину его души, что он далеко не простой и значительно глубже активных друзей – сподвижников, хотя не каждый мог тогда оценить сущность покладистого юноши. В тот момент Яков ощутил, что Петр от природы находчив, радуется всему новому, остроумен, и жизнь заставляла его быть очень прозорливым. Яков сразу обрадовался устремленной к познанию родственной душе.

– Вы не думайте, государь, в храбрости я не уступлю им, – он кивнул на Меншикова и брата.

– Я и не сомневаюсь, – улыбнулся растроганный Петр.

Шумная компания, одобрительно потакая царю, продолжала веселье. Петр на секунду отвлекся, но потом обратился к нему:

– А как тебе служится, Якушка?

По знаку зодиака сам Петр был Близнец и очень доверчиво относился к друзьям и вообще к дружбе, которую считал неотъемлемой для жизни. А окружение в потешных войсках, словно благодатная почка, само рождало открытость и доверие, целеустремленность и мысли о славном будущем, о необходимости изменить окружающий мир. Никто не мешал взаимообогащению каждого из-за здоровой дружбы и ощущению задора молодости.

Ответ Якова был этому подтверждение:

– Все замечательно... я будто в приключенческой сказке... Мы рвемся вперед в мечтах... в радостную неизвестность, государь!.. Иногда охватывает безмерное счастье, что сделал что-то правильное... истинное, будто сверху продиктованное...

– Ты угадываешь... и мои настроения, – задумался Петр.

– А что Сашка, правда, говорят, что он родился здесь и истинно русский?

– Сушая, правда, Мин Херц!

– Вот, Франц, – повернул голову Петр к Лефорту, – а ты говоришь... русская земля не рождает людей, которые умеют мечтать...

– Ничего я такого не говорю про русских... А уж, если по правда, перед вами потомок... королей – Джекоб Даниел Брюс, – фатовато повышая голос, но все также картавя, выпалил Лефорт.

– Значит, говоришь... Данилович? – после паузы опять

улыбнулся юный царь.

– Непременно – Данилович, Мин Херц, – подхватил Меншиков, с удовольствием подчеркивая общее с ним отчество.

То, что русский царь переименовывал всех на русский лад, а иноземцы с благоговением соглашались, создавало непередаваемый шарм и беспрекословное доверие к будущему императору.

Для Петра была очень важна не только дружба, но и искреннее доверие к человеку. Понимая свою незримую власть над окружением, он прощал и принимал интерес каждого во имя общего дела. Таким необычным душевным отношением он навеки объединял близких ему людей.

Яков был всегда с ним искренен и какого-либо собственного интереса к царю никогда не держал, помимо добросовестного служения.

С ярким пытливым взглядом, спокойный и скромный среди шумной бесшабашной молодежи, Якушка явно привлекал своим внутренним настроением. Петр вскоре узнал, что он хорошо ведает историю, увлекается математикой, физикой и большой любитель книг.

Во многом царь сформировал себя и свой план реформ благодаря умному и доброму Якушке, который был действительно не простой и с глубоким чувством провидения. Яков знал историю Египта, истоки трансформации многобожия к Единому Богу. Он знал и учился по английским правилам, которые были очень глубокими и весомыми тогда, увлекался

завораживающими и мистическими методами алхимии, которая формировала первые азы теософии и будущей науки. Все это способствовало взрослению и развитию собственных устремлений Петра Великого.

Молодой царь не случайно стал больше присматриваться и искренне доверять младшему Брюсу. Якушка говорил немного, больше слушал азартные военные реплики, хотя в храбрости и разгулах, действительно, царю и его друзьям не уступал.

Петр вообще не терпел выскочек и воспринимал своих друзей за искреннюю дружбу и товарищество без зависти одного перед другим. Потому как – каждый был ярок и неповторим по-своему.

Александр Меншиков, привлекающий царя храбростью и русской пытливостью, также со временем глубже подружился с Яковом, и пытался многое у него перенять.

Имя «Якушка» сразу стало близким не только окружению, но и ему самому. Через пару-тройку лет, по мере сближения с царем и раскрытия необычных способностей младшего Брюса, Петр и его сподвижники стали уважительно называть его по имени и отчеству – Яков Данилович.

Рождение русской армии

Став полновластным царем, Петр, не только не прекратил потешных занятий, но придал им еще больший размах: на-

ряду с обычными экзерсисами стали устраиваться походы и маневры, длившиеся нередко неделями и даже месяцами. В этих походах участвовали и некоторые регулярные полки.

Якову были явно по душе шумные военные игры молодого царя, когда он мог сутками, забывая о еде и в ущерб сну, искать способы славных побед с захватом бутафорных, наспех сооруженных городков. Все это проходило весело и звонко, со стрельбой и боем барабанов. Потешные солдаты были набраны из царских конюхов, сокольничих егерей и прислуги. Самостийные офицеры состояли из юношей знатных фамилий и заслуженных военных. Всего у Петра было около трехсот таких воинов. С ним они ходили походами по деревням и монастырям вокруг Москвы, распугивая крестьян и особенно местных монахов. Когда в тихий полуденный зной из лесочка вдруг с бесовскими криками выкапывали пушки какие-то не похожие на русских люди в зеленых кафтанах и били по стенам деревянными ядрами, монахи просто замирали от страха, иногда узнавая лицо самого царя в пороховой копоти.

Сама служба в потешном войске была вовсе нелегка – ни дождь, ни зной, ни свет, ни заря – по прихоти молодого царя вдруг надо было выступать неизвестно куда и зачем, и как выяснялось потом, чтобы пугать, в основном, окрестных людей. Иной раз потешных будили среди ночи: Приказано обойти неприятеля. Переправляться вплавь через речку... Были случаи, когда служивые тонули или погибали, и это

было в порядке вещей. При непослушании или отказе выполнить приказ – били батогами. К войску был приставлен воевода или генерал – Автоном Головин. Человек он был недалекий, но хорошо знал солдатскую муштру и быстро навел строгие порядки. При нем сам Петр нешуточно проходил военную науку в первом батальоне, названном Преображенским.

Через некоторое время к потешным на жалование позвали капитана Зоммера для освоения огнестрельного и гранатного боя. Из Пушкарского приказа доставили шестнадцать пушек, и стали учить стрелять чугунными ядрами и бомбами. Учитель был строг, поскольку эта наука требовала больше знаний и ответственности. Было уже не до потехи, и поначалу много побили в полях скота и перекалечили простого народу.

Несмотря на то, что продолжая службу в потешных, Яков оставался корнетом кавалерии, ему, также как и молодому царю Петру, очень нравилась и стала ближе артиллерия. Он понимал значимость ее реальных атак в бою и с восхищением одолевал все тонкости нового ремесла, а за проявленные знания и смекалку скоро возглавил отделение пушкарей.

Сразу обратив внимание на необходимость технических знаний в реализации этой военной профессии, молодой артиллерист или, как тогда называли – «бомбардир», сразу отметил у многих несогласованность в действиях и недостаток образовательной математической подготовки. Яков, не стес-

няясь, объяснял на примерах и открыто говорил об этом царю, который с удовольствием пополнял свои знания, полученные ранее от Тиммермана. Учиться военному делу стало модно и в скором времени необходимо.

В своей тетради по стрельбе Петр записал: «Градусы, которые внизу, когда стрелять – отведать перво... на сколько градусов мортир поставлен записать же; а потом стрелять, сколько далече бомба по опыту пала. Когда хочешь на уреченное место стрелять, тогда взяв дистанцию, потом взять циркулем на такие же градусы, которые при опыте на квадрante были, искать на таблице... и, взяв ту меру поставить на градусы, и сколько укажет, и на квадрante ставь».

Первая любовь

Якову запомнилась на всю жизнь та прекрасная весна 1690-го. Прохладный сочный воздух, налитанный свежим запахом едва распускающихся листьев и душистого первоцвета, часто перебивал едкий дым пороха в импровизированных потешных атаках на очередную крепость.

Под крики «Ура!» моложавое войско устремилось к прочным чертогам подмосковного монастыря в районе села Богородского. Попавшее в стену ядро пробило зияющую дыру и разбросало крупные осколки кирпича, куски скрепляющей глины и дерева на довольно большом участке.

Потешные из числа кавалерии шумно приветствовали по-

падание и призывали брать крепость сходу. В азарте победы они не заметили, как к ним вышли служители церкви и несколько верующих женщин. Подойдя ближе, служители церкви начали стыдить компанию за причиненные обители разрушения.

Возбужденные молодые воины поостыли не сразу, но строгий вид женщин немного остудил их неутихающий пыл. Они пытались оправдываться.

– Да мы наступаем на неприятельскую крепость, – успокойтесь мамыши... Если нужно, заплатим...

Среди возмущенных верующих выделялась одна очень красивая молодая девушка с небесно-голубыми глазами и особенно оскорбленным взглядом:

– Делать вам здесь нечего... Лучше идите и помолитесь! – говорила она, искренне переживая за случившееся. – Где ваш командир?... Я ему сейчас все выскажу...

Яков вышел вперед и сразу был сражен необыкновенной красотой ангельского девичьего лица. Строгие назидательные глаза чем-то напоминали ему тревожный и страждущий взор Сикстинской мадонны. Молодой высокий юноша ощущал глубокое внутреннее раскаяние.

– Если надо, я отвечу за это разрушение, – твердо вымолвил он.

Видя кроткий взгляд молодого симпатичного командира, юная монахиня немного успокоилась, но глаза ее еще пылали обидой.

– Что же это такое, барин, среди бела дня разрушают обитель?

Яков не мог выдать из себя ни слова, так сразили его простые доходчивые слова девушки. Она заметила его смущение и уже смотрела на него сочувственно:

– Вижу, что вам совестно, барин, – продолжала она и теперь была похожа на ласкового ангела, стыдившего за необдуманный детский проступок.

– Не беспокойтесь, барышня, мы все восстановим, – опустил он глаза.

Поведение молодого человека было ей по душе. Она даже непроизвольно улыбнулась ему.

Группа священнослужителей и монахинь через минуту повернулась и удовлетворенная направилась к воротам обители. Яков, будто ведомый кем-то, пошел за ними. Молодая красивая монахиня оказалась рядом.

Немного робея, Яков посмотрел на нее, и вновь молния женской красоты пронзила его:

– Как вас зовут, милая барышня?

– Я не барышня, – пересиливая улыбку, ответил «ангел «во плоти»... – А, зовут меня Марфа... Я здесь послушница...

– Могу я еще видеть вас?

– Нам не положено... Если только матушка-настоятельница позволит, – ласково произнесла Марфа, входя последней и прикрывая ворота.

Яков словно проснулся ото сна, так заворуженно смотреть на женщин ему еще никогда не приходилось. Было здесь что-то неповторимо нежное от взгляда его матери, и одновременно – волнующий кровь тревожный зов всепобеждающей любви.

Весь день Яков был сам не свой. На это даже обратили внимание сослуживцы. В эту ночь ему приснились увиденные накануне милые черты, и наутро он твердо пошел в обитель и попросил аудиенции у настоятельницы.

Пожилая, строго одетая, со светлым взглядом настоятельница встретила его доброжелательно. Он увидел, что она была одной из вышедших вчера из монастыря монахинь. Она тоже вспомнила его, но спросила настороженно:

– Что вам угодно, молодой человек?

– Могу я, матушка, просить о свидании с послушницей Марфой?

– С какой целью вы собираетесь тревожить ее?

Яков не знал, что ответить и настоятельница добавила:

– Здесь нет места для игр в войну...

– Вот я принес деньги для ремонта, – протянул он монахине несколько червонцев. – Я чувствую свою вину и мне хотелось еще раз объяснить этой девушке...

– Это хорошо. Я вижу, что вы человек кроткий и искренний... Приходите в воскресенье на службу в церковь... Я скажу Марфе, чтобы она вас выслушала... Проповедь и назидание отцов всегда помогут... сын мой...

– Спасибо, матушка... Но я не православный...

Пожилая женщина немного задумалась и улыбнулась.

Она поняла молодого человека и тотчас приняла решение на следующей неделе отправить Марфу в дальний монастырь от этих целенаправленных глаз и бурных проявлений воли.

– Марфа – необычная послушница... У нее большая духовная дорога впереди... и глубокая миссия, – тихо промолвила вслед настоятельница.

На воскресную службу Яков пришел с необычным трепетом в душе. Чтобы увидеть Марфу, он даже решился на минуту заглянуть в церковь. Так было немало народу, кругом в объятиях нежной музыки певчих торжественно горели свечи.

Увидев знакомый профиль, он тут же вышел во двор.

«Я не сказал о времени встречи!» – с досадой подумал он, выходя из храма, и тут же почувствовал неожиданный свет сзади.

Он повернулся и увидел эти неповторимые страждущие глаза и вновь онемел.

– Здравствуйте, барин, рада вас видеть...

– Не зовите меня барином, Марфа... Мне хочется вам сказать... – он опять замолчал.

– Вы можете ничего не говорить... Я все чувствую... и буду молиться за вас...

– Мне очень приятно быть рядом с вами...

После небольшого молчания Марфа добавила:

– Нам суждено быть рядом...

– Так я могу надеяться?

– Будьте покойны, Яков... Моя жизнь и мои молитвы будут с вами...

– Вы знаете мое имя?.. Но оно не совсем такое.

– Нет, оно ваше исконно! – она опять ласково посмотрела на него. – Мне надо идти на службу... Прощайте.

– Почему прощайте?

– Я скоро покину это место... Меня отсылают в другой монастырь... Так надо, Яков... – она повернулась и пошла к храму.

Молодой человек, как во сне, долго смотрел на удаляющийся стройный силуэт. Яков ничего не мог понять, но больше никогда в жизни не видел ангельский облик Марфы, лишь только в воображении или во сне. Она осталась для него ликом православия, истинного понимания и даже душевного благоговения к русским людям, хотя остался он до конца жизни убежденным лютеранином. Только неугомонный ритм военной службы, постоянные ее тяготы и заботы помогли Якову со временем немного забыть неповторимый образ и первое чувство истинной любви.

Кожуховский поход

В молодости воспитывают не наставления, а реальные люди, кажущиеся героями, с которых хочется писать себя. Сре-

ди этой молодой поросли Петр не являлся идеалом, но у него была власть, и все это чувствовали, немного завидовали, хотели по-своему быть при этой власти и помогать ей своими действиями и, естественно, продвигаться по службе.

Отстранив от власти царевну Софью, с 1689 года Петр начал лично управлять государством. Он приблизил к себе людей, доказавших ему свою преданность и верность. Среди них были в первую очередь Федор Ромодановский, управлявший Преображенским приказом и бессменный начальник всех потешных, а также начальник регулярных войск шотландец Гордон. Были и молодые сподвижники, почти ровесники, иностранного происхождения: Франц Лефорт, Меншиков, Роман и Яков Брюсы и многие другие, которые, имея опыт и будучи уже на командных должностях, на деле заявили о своей преданности царю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.